

Алексей Гараджа

Михаил Псевл: игры ума (перевод и комментарии)

ALEXEI GARADJA

MICHAEL PSELLUS' *LUSUS INGENII* (A TRANSLATION AND NOTES)

ABSTRACT. The publication presents a commented Russian translation of four minor works by Michael Psellus written in the genre of προγυμνάσια, traditional sophistic exercises, and addressed to his disciples to whom Psellus taught, among other things, philosophy and rhetoric – two disciplines that, in his view, are inseparably linked. The editor of these texts A.R. Littlewood (Littlewood 1985) classifies them under the heading *lusus ingenii*, “games of wit”. Here, Psellus, focusing on a number of “despicable” and, most important, microscopic creatures (fleas, lice, bedbugs), attempts to express something more significant: “who are remarkable by their mass, those are inferior in their power, and who are more compressed into themselves, those are the very powerful”. This is an explicit reference to Proclus’ commentary on Plato’s *Timaeus*: “For everything that proceeds further from the One gains in quantity as it loses in power, just as those that are compressed closer in quantity have a remarkable power” (*In Ti.* 1.178.22–28 Diehl; trans. by H. Tarrant). Two of these texts had been rendered into Russian by the prominent Russian Byzantinist P.V. Bezobrazov (1859–1918); however, his translation was based on a currently outdated non-critical edition and was also in keeping with the scholar’s presentation of Psellus as “an utter literary adulterer, a sad creature of a sad age” (Bezobrazov 1890: 194). The new translation, based on Littlewood’s critical edition, proceeds from a more favorable evaluation of the work of this essential representative of Byzantine “first humanism”, and attempts to some extent convey in another language his indubitable literary craftsmanship.

KEYWORDS: Michael Psellus, Neoplatonism, philosophy and rhetoric, translation.

В публикации представлен комментированный русский перевод четырех малых произведений Михаила Пселла (1018 – ок. 1078), созданных в жанре *проуμησματα* — традиционных софистических упражнений — и адресованных его ученикам, которым Пселл преподавал помимо прочего философию и риторику — две, по его убеждению, неразрывно связанные между собой дисциплины. Критическое издание этих текстов, по которому выполнен настоящий перевод, осуществлено Э.Р. Литлвудом, поместившим их под рубрикой *lusus ingenii*, «игры ума»¹. В них Пселл на примере «презренных» микроскопических созданий (блох, вшей, клопов — аристотелевская подборка из *HA* 5.31²) хочет, конечно, сказать о каких-то более значительных материях: «кто массой тела выдается, тот уступает в плане силы, а кто в себя собрался, сжат, тот вместе с этим и мощнее» (*Op. 27.9–10*); это явная отсылка к Проклову комментарию к «Тимею» Платона: «всё удаленное от Единого, теряя в силе, возрастает в количестве, подобно тому как находящееся вблизи Единого, уменьшаясь в количестве, приобретает небывалую силу» (*In Ti. 1.178.22–28 Diehl*)³. И вот что еще добавляет наш автор: «Не думайте, что всё это я написал, за славою гонясь: ведь даже в незначительных вещах свою искусство силу проявляет. Я же имел в виду не похвалу взаима вши представить (еще я не сошел с ума), но показать вам силу слова, на что оно способно, чтобы, имея пред собою подобный образец, вы сами упражнялись бы, мне в подражание, над самыми дурацкими из тем» (*Op. 28.119–124*). «Искусство» (*τέχνη*) — это, конечно, риторика, необходимый инструмент для выуживания и изложения всякого подспудного философского глубокомыслия.

Конечно, Пселл, многознающий поли^тэт^вор, работает в русле древней традиции энкомиев и размышлений о мельчайших «животинах» (*ζῷά*, *Op. 29.48*) — традиции, протянувшейся до наших дней: вспомним похвалы муке «от Лукиана до Л.Б. Альберти», как называется книга М. Биллербек и К. Цублера⁵, или клопу в «Сказке о Тройке» А. и Б. Стругацких, или особое внимание к блохе у Джона Донна, Э.Т.А. Гофмана («Повелитель блох»), Н.С. Лескова («Левша»)...

¹ Littlewood 1985: 94–116, *Opuscula* 26–30; у нас представлены переводы четырех из пяти текстов этой рубрики, за исключением «Похвалы вину» (*Op. 30*).

² Аристотель здесь основное внимание уделяет вши, упоминая и о положительных ее свойствах (у кого вши заводятся в голове, те меньше страдают от головных болей, 557а9–10), и о традиционно отмечаемых отрицательных, о которых Пселл умалчивает («вшами заедены» великий поэт Алкман, историк Ферекид Сироцкий, а по Плинию, *Nat. 11.39.114*, — еще и диктатор Сулла).

³ Пер. С.В. Месяц.

⁵ Billerbeck, Zubler 2000.

Два текста из представленных в публикации (*Op. 26* и *28*) когда-то уже переводились, а именно выдающимся русским византинистом П.В. Безобразовым (1859–1918) — но по устаревшему изданию и в стилистике, соответствующей представлению ученого о Пселле как «настоящем прелюбодее слова, печальном порождении печального времени»⁶. Новый перевод исходит из более положительной оценки творчества этого важнейшего представителя византийского «первого гуманизма» и пытается в какой-то мере отобразить его писательское мастерство доступными средствами другого языка; конечно, ритмическая организация текста перевода не точь-в-точь передает риторическое построение оригинала, но по крайней мере не позволяет просто игнорировать это построение — как, к сожалению, принято в русской (и не только русской) переводческой традиции, несмотря на очевидную искусственность (как в лексическом, так и в синтаксическом плане) языка памятников, особенно постклассических (начиная, вероятно, с эпохи второй софистики) и конкретно Псевловых.

Впрочем, ритмика эта присутствует и в классической прозе. Аристотель о слоге Платона говорит, что он «средний между поэзией и прозаической речью (μεταξὺ ποίηματος εἴναι καὶ πεζοῦ λόγου)» (*F 862 Gigon*); Цицерон, отмечая, что «всё, воспринимаемое слухом как некоторая мера, даже если это еще не стих — в прозаической речи стихотворный размер является пороком, — называется ритмом, а по-гречески ριθμός (...) поэтому некоторым и кажется, что речь Платона и Демокрита, хотя и далека от стихотворной формы (...) с большим основанием можно назвать поэзией, нежели речь комических поэтов, которая ничем не отличается от обыденного разговора, кроме того, что изложена стишками» (*Orat. 20.67 Wilkins*)⁷; Деметрий Фалерский приписывает метрическую окраску (μέτροειδή) прозе перипатетиков, Платона, Ксенофonta, Геродота и Демосфена (*Eloc. 181*), Дионисий Галикарнасский — Платона и Демосфена (ср. *Comp. 25.1–26.10*).

Недоверие к ритмике в переводческой традиции — это, возможно, лишь плод недоразумения, а именно смешения квантитативной силлабики (тот самый «порок речи» по Цицерону) и тонической ритмики; так, например, гекзаметр — это не только шесть стоп силлабического строя, но и колоны (их чаще всего четыре) тонического. Но это отдельная большая тема.

⁶ Безобразов 1890: 194. Свои переводы П.В. Безобразов осуществлял по изданию Ж.-Ф. Буассонада (*Boissonade 1838*). В переиздании его книги (Безобразов, Любарский 2001) каких-то изменений в этих переводах я не обнаружил.

⁷ Пер. М.Л. Гаспарова с незначительными изменениями.

26. Своему ученику Сергию,
утверждающему, что никогда не был укушен блохою¹

Поистине ставит в тупик, что когда все вокруг подвластны блохам и легкую добычу представляют для их укусов, наш распределяющий Сергий их укушений как-то избежал. На этом основании он станет думать, что превознесся надо всеми, будет дивиться самому себе и от души благодарить природу за то, что создала *его* природу не в пример обычным людям, и многие, конечно же, сочтут за чудо, что он остался неприступен для этакого зверя. Но если кто ему причину такого обстоятельства откроет, он быстро всю свою (10) надменность по отношению к нам бросит и станет сожалеть о том, что так-таки остался недоступен потравам этой животинки.

Как всем наверняка известно, наши тела составлены из четырех начал, смешение которых в разных долях различные же смеси производит, и что из этих самых смесей слагаются все соки тела — кровь, флегма и два вида желчи. Желтого цвета желчь в пузырь, что рядом с печенью, стекает, желчь черная внутрь селезенки приливают; кровь же не накапливается в отдельном органе каком-то, но по всему разлита телу по сосудам: она животворит природу нашу и слитной делает ее. При этом (20) качество ее различно. Когда кровь смешана бывает превосходно, она сладка и благовонна, и устремляются тогда к ней вошь, блоха и прочие созданья, кому идут на корм наши тела. Если же смесь не лучшая, тогда кровь или водяниста, или, насыщенная флегмой, соленым привкусом полна, или имеет в себе горечь желточной желчи, или же черной желчью отдает. Как далеко не всё, что из земли взрастает, годится в пищу, но что-то чувство вкуса отвращает, так же из соков, образуемых в тела, какие-то хорошую смесь представляют и возбуждают аппетит блохи, другие же, возможно, испорчены или горьки на вкус, или разят (30) соленым.

¹ Текст см. Littlewood 1985: 94–97; Boissonade 1838: 73–78. Старый русский перевод — Безобразов 1890: 145–147; Безобразов, Любарский 2001: 144–147.

И потому это животное, изысканнейшим вкусом обладая, чутьем испытывает качество того, чем кормится, и если что ему подходит по природе, к тому дух родственный его влечет, и в пищу это принимает, но если что иначе пахнет, пренебрегает этим и уходит. Вот люди, те, кто ненасытней, отточенности чувства лишены: любое мясо ухватить готовы, и никакая жидкость их не оттолкнет; а вот прекраснейшая эта животина изысканностью даже превосходит иных существ разумных — тремя, как говорят, перстами и ладонью². Как самый сильный зверь, лев, ко вчерашней пище не прикоснется никогда, а только свежую, набросившись, немедленно сжирает (как скажешь тут иначе?)³, (40) так же и утонченная блоха у нас источники выслеживает в теле, или, скорее, из источников потоки. Сосудами для красных струй внутри нас служат вены, или, скорей, они — вроде каналов или труб, чтобы ей пищу подводить для тела. Среди таких источников найдя прозрачный и пригодный для питья, она к нему тотчас же припадает ртом, оценивает качество его и тянет, пьет, сколько охоты хватит. Но если замечает, что жидкость здесь испорчена водою, она этот источник оставляет и обращается к какому-то другому, охсясь за такой, как прежде, пищей. Вот так это животное роскошно. Нам кажется приятным и Мароново вино, и хиоское, лесбоское тоже — и вряд ли кто нас станет порицать за это⁴. Но многие ведь хлещут сусло, едва залитое в бочонок, и с (50) удовольствием ис-

² «Ладонь» (*παλαιστή*) равнялась четырем «перстам» (*δάκτυλος* — наименьшая мера длины у греков, ок. 1.9 см): получается, что «превосходство» блохи измеряется в семь перстов, что-то вроде рус. *семи пядей* (ср. еще Synes. *Ep.* 136.2). Средняя длина тельца блохи — 0.3 см, а скачет она на 60 своих «ростов» по вертикали и на 110 — по горизонтали.

³ Это Гомер говорит о льве *λαφύσσει* ‘жирает’ (*Il.* 11.176), а привередливость льва в пище отмечает Пс.-Евстафий Антиохийский (*Hex.* PG 18.737d).

⁴ «Мароново вино» (*ό Μαρώνειος οἶνος*), по Гомеру (*Od.* 9.39–61, 161 sqq.), получено Одиссеем в дар от Марона, жреца Аполлона во фракийской Исмаре (в Суде 1645 отождествляемой с Маронеей, но ср. Str. 7, fr. 44a, где эти два города различаются) и использовано, чтобы опоить Полифема: это «черное» (*μέλας*), то есть красное (*έρυθρός*), вино было настолько крепким, что требовалось разбавлять его водою в пропорции 1 : 20 (*Od.* 9.209–210); ср. Гесиодову пропорцию 1 : 3

порченное пьют, а кое-кто, как видел я, готов употребить из первого попавшегося кубка. Блоха же пьет лишь то, что для питья пригодно, пренебрегает тем, что дурно пахнет, и насладится только благорастворенным, а от испорченного, тронутого гнилью отвернется⁵. Она посмотрит на венозный кубок, и если видит — вычищен отменно, то блеском наслаждается его и отдает дань красоте такой; но если замечает корку желчи, особенно же черной желчи, такой сосуд отставит и отвергнет, и никогда кровь, даже чистую, из вены порченой не станет пить.

Люблю людей, кто роскошь соблюдает вплоть до сосудов для вина и кубков, а самые изысканные (60) держат у себя особенные чаши и псикиризы, такие, как Фирикловы сосуды, из чистого стекла и лучшего кристалла, глубокой емкости и с горлышком длинным и узким⁶, откуда, процедясь по капле, питье течет чистейшей и красивейшей струей, больше всего взыскательную душу услаждая. Среди нас кто-то именно таков, кто-то устроен по-другому, род же блошиный благороден весь, взыскателен и прелести роскошной полон. Блоха не примет жидкости ни горькой, ни соленой, а знай себе лишь к сладкой подойдет, и удовольствие доставит ей только сосуд со сладкой, благовонной кровью.

Ты видишь, мой милейший и достославный Сергей, как драма, с (70) болтовни комической начавшись, к трагической выходит для тебя развязке? Ты полагал, что ты выше толпы, раз избе-

(Op. 495) или Анакреонту 1:2 (PMG 356 = fr. 11 Page). Оно считалось одним из лучших вин древности (Plin. *Nat.* 14.6.53–54), так же как хиоское и лесбоское.

⁵ Тот и другой напиток (вино и кровь) «пригоден для питья» (πότισος), когда «правильно смешан» (εὐκράτος), но «испорчен» (διεφθόρος — с возможным оттенком поддельности), если исходное сырье недобродило либо перепрело.

⁶ Тà Θηρίκλειος названы так по Териклу (Фириклу в среднегреческом произношении), знаменитому в древности коринфскому мастеру, о ком впервые упоминает афинский комедиограф Евбул, младший современник Платона (fr. 30, 42 Kassel-Austin). «Чаша» (φιάλη) у греков была широкой и неглубокой посудиной; ψυκτήρ (от ψύχω ‘студить, охлаждать’) в первую очередь использовался для охлаждения вина. Описываемый здесь «Фириклов сосуд» напоминает βομβυλίος, θηρίκλειον ῥοδιακόν, который Сократ сравнивает с фиалой в Антифеновом «Протрептике» (fr. 64a Prince).

жать сумел блохи — будто от превосходства некой силы, от хватки ее давней ускользнуть. Но нет, она тебя не испугалась, а, походя понюхав, отшатнулась. К колодцам тела твоего прия, уви-дела, что чаши не чисты, увидела, что ток испорчен, и отказалась пить — ее оттуда исходящий запах отвратил. Вот почему она и воздержалась и нутряной свой аппетит оставила неутоленным.

И вот переместилась на меня, случившегося рядом, и к чашам всем моим припала — на шее, на затылке тоже, на пояснице, на ключице; в восторге от таких угодий, вокруг моих потоков скакет, ибо она находит всё здесь (80) исполненным отрады: стоит ей вену надкусить мне, тотчас отрады сладкой хлещут струи, так что с избытком радости таким не знает, что и делать. Вот она скакет по бокам и тут же на спину оттуда перепрыгнет, и высосет мне подколенок, и возле голени питаньем насладится. Не то чтобы один источник одно питание ей доставлял, другой — другое: нет, изо всех ей равная отрада истекает.

И что? Разве природа так меня сложила лишь для того, чтобы я стал едой блохе? Я этой чести не желаю, без сладкой крови обойдусь — пускай испорченюю будет, мне житься станет только слаще. Если бы кто, меня украсив, тут же меня зарезать собирался, я бы не стал бросаться за такой наградой, но тут же возвратил злокозненный наряд.

Воздай благодаренья Богу, превосходный Сергий, что тело укрепил тебе настолько, что сделал неприступным для животных, желающих тебя ограбить, что он тебя оплотом твердым оградил, так что ни блохи осаждать тебя не станут, ни вши теснить, ни нападать клопы, но все тебя бояться будут и страшиться, и устраниться от тебя, как от тирана. Но ты бровей так гордо не вздымай: я предпочел бы жертвой блох быть многократно, чем запахом от тела моего отпугивать коварного врага. Скажу тебе по правде так: природа наши естества сложила как ей того хотелось изначально и сделала твое блохе противным, мое же — ей приятным и как еда питательным вполне.

27. Похвала блохе⁷

Вот комара сопоставляют со слоном⁸. А мы, чтобы своим путем нам рассуждение развить, попробуем сравнить блоху с пантерой. Так вот, если блоха объемом тела и невелика, она из-за того тем, кто мощней ее, не уступает силой. Природа, верно, знает, как восполнить величину иных животных какой-то равноценюю заменой, и если массою кого-то умалила, того способностями явно прирастила, кому избыток плоти налепила, тому и силы приука-ротила. Об этом же свидетельствуют и первые философы: кто мас-сой тела выдается, тот уступает в плане силы, а кто в себя собрал-ся, сжат, тот вместе с этим и мощнее⁹. И мы не упражнение в со-фистике здесь предлагаем, избрав предметом словесования блоху, (10) так же как те, кто похвалы слагать предпочитал шмелю и со-ли¹⁰: мы ставим целью рассмотреть значительные вещи, исполь-зуя риторику, искусство, и строя речь под стать нашим предме-там.

Итак, вот что мы можем сразу же прекрасного сказать об этой животине: она, подобно самым благовонным из цветов (я разу-мею розу, гиацинт и мирт), является на свет весеннею порою, избравши для себя в году прекраснейшее время. И не из чуже-родных сущностей рождается она, как дреквоточец, клещ¹¹, комар

⁷ Текст см. Littlewood 1985: 97–101; Boissonade 1838: 78–84.

⁸ Ср. Lib. *Ep. ad Bas.* 18.1 Foerster: τὸ δὲ ἐμὸν τοιοῦτον, οἴον κώνωψ ἐλέφαντι παραβάλλομενος.

⁹ Ср. у Прокла: «всё удаленное от Единого, теряя в силе, возрастает в коли-честве (τὸ ποσόν), подобно тому как находящееся вблизи Единого, уменьшаясь в количестве, приобретает небывалую силу» (*In Ti.* 1.178.22–28 Diehl; пер. С.В. Ме-сяц); «всякое множество, которое ближе к Единому, количеством меньше более удаленных, но силою больше» (*Inst.* 62; пер. А.Ф. Лосева с изменениями).

¹⁰ Ср. Isoc. *Hel.* 12 о похвалах шмелю (βορβιλίος) и соли; о похвале соли упо-минает и Платон (*Smp.* 177b). Но Исократ скорее всего имел в виду не насеко-мое, а одноименный узкогорлый сосуд, о котором говорит Сократ у Антисфена (fr. 64a Prince; ср. прим. 7 выше): последнему и адресована шпилька оратора.

¹¹ Слово κροδόβτης, букв. ‘восконыр’, встречается только трижды: здесь, еще в одном месте у Пселла (*Phil. min.* 1.3.116) и в эпитоме аристотелевской «Истории животных» Аристофана Византийского (1.36, 9.1 Lambros = Arist. fr. 269 Gigon).

и прочие, среди которых кто-то нарождается из грязи, а кто-то — из гниения (20) больных, ее же род весь замкнут на себе, внутри и те, кто порождает, и кто рождается — тоже¹². Одни уходят, оставляя семя, другие из него взрастают. У них всё как у всех, как говорят иные: протоки семенные¹³, животворящая природа и сила порождать живое. Самец здесь тоже покрывает самку, и та вынашивает плод, который вместе с разделением их тел не погибает, но зарождается и появляется на свет из предназначенных частей родителей совокупленных¹⁴.

Солнце в движении своем, склоняясь, обращаясь, приносит нечто и другим, великим и чудесным, существам, и точно так же этот род к существованию как правило выводит, едва лишь к равноденствию само подходит. (30) Как только равноденствия черту пересекает солнце, и это существо, блоха, высакивает как по договору, приобретая очертания свои и оживая, и прыгать принимается в честь солнца-господина, который есть причина ее жизни и вожатый. Она будто и впрямь, ведомая родителем своим, с ним вместе пляшет, веселится — танцуя и резвясь весеннею порой, жизнь проводя на полную и с блеском. Как древние ученые животным, которые меняются с луною вместе, растущей или на ущерб идущей, давали имя лунных, так же, положим, можем мы блоху назвать животным солнечным¹⁵.

В LBG неуверенно определяется как *Wachsmotte*, букв. ‘восковая моль’, как по немецки называется подсемейство бабочек-огневок, но в соответствующем месте «Истории животных» (5.32, 557b6–8) говорится о мельчайшем, белого цвета животном, которое заводится в старом воске и сухой древесине и называется у греков клещом (έκαρι, ср. рус. коры в подзабытом значении ‘моль’).

¹² С гнилью и грязью связывает зарождение блох Аристотель (NA 556b25–26, GA 721a7–8), здесь же (и далее) подчеркнута эндогенность этих существ в рамках обыкновенного полового размножения.

¹³ Σπερματικοὶ πόροι — аристотелевский термин (GA 716b17, 720a12).

¹⁴ Фраза довольно замысловатая (в частности, «плод» передан как τῆς γονῆς λόγος), переводим по смыслу, который как будто прозрачен.

¹⁵ О влиянии луны на животных (в основном морских) см. Ael. NA 9.6, 15.4; Antig. Mir. 124. «Солнечный скарабей» (κάνθαρος ἡλιακός) нередко упоминается в магических папирусах (ср. PGM IV 751, LXI 34).

Начало у всего одно, каким бы ни было оно неизъяснимым и невыразимым; оно, однако, в прошлом глубоко, а с тем, что стало впредь, после него, — у каждой сущности свое (40) начало. Какие-то рождаются весь год, каким-то жизни полагается начало зимою, летом и осеннею порой. Что до блохи, ее весна рождает, прекраснейшее время года: пора расцвета сил — живейшее среди существ. Весною солнце движется на север, становится всё ярче, и восполняет длительностью дня идущую на убыль меру ночи; при этом и земля подходит к сроку родов своих детей: у розы распускаются бутоны, и лилия являет красоту свою, и очевидную, и сокровенную, напором солнечных лучей раскрытую теперь; а в довершение рождается блоха, как самопроизвольный плод земли.

На вид она, однако, неказиста, наряд ее красив (50) не чувствам, не очам: пренебрегая чувственным, всю внутреннюю силу свою уму предназначает. Живоначальный круг изображая, неизмеримой моцци подражает своим мельчайшим видом. Родителя и цветом указывает: донельзя вся черна она, как эфиоп с восхода солнца, от жжения лучей его цвет кожи поменявший, и прямо своим телом объявляет о жарком порождении своем. Ее уменьшенный размер — не от бессилия природы: причина малости ее неизъяснимей — но нам ее придется прояснить.

Тело и ум: одно есть протяженность в массе, стяжение к энергии — другой. Массивные, большие существа к породе более (60) телесной отпадают, а многие из сжавшихся в размере скорее умственное семя представляют, при том что внешне они так малы. Ты можешь видеть, что и пчелы, и скарабеи, комары, и даже пауки и муравьи мудренее других животных, изощренней, даже приблизились к общественной, скорее, жизни. Вот почему с телами пчел Платон и связывает души, которые способны сострадать и к жизни в обществе привычны и готовы¹⁶. А вот быки или волы, кто массой тела выдается, обделены этой сильнейшей силой,

¹⁶ Ср. Pl. *Phd.* 82a10–b8, где упомянут (b6–7) «общественный и культурный (πολιτικὸν καὶ ἡμερὸν) род — пчел ли, ос или муравьев».

которая есть также нашей жизни семя и зерно. Кто этим семенем богат, тот и энергией сильней, а кто телесней, тот тучнее. Природа вылепляет, верно, тогда как ум с душой (70) творят; произведения природы материальнее и вширь распространенней, а ум с душой тела сосредоточивают внутрь, в объеме ужимают их, дабы творение их вышло полным силы.

Итак, у этой животины жизнь начинается с весны. Она растет с владыкой-солнцем вместе, и делается больше, и собственную юность проживает, и зрелого расцвета достигает, когда на пятой доле Близнецов встает на повороте солнце¹⁷; когда ж то поворачивает к югу и к зимним направляется стезям, она сникает вместе с ним и угасает. Она не хочет знать иных причин для жизни, кроме солнца, просто не в силах быть неблагодарной к тому, кто правит становлением ее. Так вот и скачется ей над землею, когда повыше солнце (80) поднялось, и так же хочется под землю занырнуть, когда ее родоначальник, так сказать, унялся.

Природа не дала ей крыльев по бокам, так что блоха не предназначена исходно к тому, что связано с таким устройством. Она, однако, борется с природой, скачками тело отрывая от земли: землерожденная, стремится в воздух, ввысь. Знает, что в воздухе — удобная ступень, чтобы до солнца дотянуться, к которому влечет ее природа, вот и попытки повторяет многократно. Противится, однако, ей природа, так что блоха меж двух давлений пребывает, физического толка и духовным, сказать иначе — мощностью и силой. Она так сложена, что нет на теле у нее насечек, ни разделений, но всюду сплошь и соразмерно скроена она. И голова над телом остальным (90) прилеплена прекрасно, а тело вздыблено горбом, как у свиньи, и плавно опускается отсюда к задней части, и середина по хребту будто две части держит наверху. И если я ее сопоставлю со свиньей, то не блоху хочу свиньей украсить, а разве что свинье в сравнении польстить.

¹⁷ Под «долей» (μοῖρα) скорее всего подразумевается «предел» (ὅρος) — подразделение знаков зодиака в астрологии. Пятый предел Близнецов (последние 4 или 6 градусов этого знака под управлением Крона-Сатурна, ср. Ptol. *Tetr.* 1.21.9 и 28 Boll-Boer) приходится на середину июня, то есть канун солнцеворота.

Итак, свиньи телосложение имеет, в движении быстра словно пантера, а смотрит зорко льву подобно, хотя без устрашающего взора. Но удивительное дело: природа сообщила этим существам подобные черты (кому — суровый вид, кому — прыгучесть, кому-то — что-либо еще), с тем чтобы их свирепость подчеркнуть, блоха же сводит все эти черты, чтобы затем преобразить их все на мирный и культурный лад. Она от человека не бежит, но и (100) трудам его вреда не причиняет, как саранча или кузнечик¹⁸. Но она только к человеку льнет, и принимает в пищу его кровь, стараясь делать сам прием как можно более коротким. Она впивается зубами и будто циркулем укус обводит, тут же припухлость в форме круга набухает, и так узором солнечным расписывает тело. Укус сначала выпирает кругляшом, потом, спадая, ириса-цветка приобретает вид. Комар как бы войну нам объявляет, и наступает плотными рядами под звуки трубные на нас; блоха же, трохилу¹⁹ подражая, как приглашенный гость приходит столоваться к нам, не поднимая шума-гама и вообще не докучая.

Всего двоих владык поставила себе блоха: рождение ее подвластно (110) солнцу, а человеку — рост. Один возможность в бытие вступить ей дарит, другой достичь расцвета позволяет. Среди других животных кое-кто питается в грязи, а кто-то — от гниющих тел; блоха же никогда к хладным телам не подойдет и замутненной пищи не пригубит, но, как пиявка, кровь нам знай сосет — и как бесплатный доктор выступает.

Она рождается, как я уже сказал, в пору цветеня розовых садов, вместе с цикадами и всем, что летом так чарует человека, расцвета достигает, затем зимою пропадает — чтобы опять воспрять со всеми вместе весною новою по кругу и возрастать потом со светом солнца, которое рождение (120) ей дарит; когда же удаляется оно, природному закону подчиняясь, то и она опять в небытие сникает.

¹⁸ ἀττάκις (v.l. ἀττάκης) — негреческое по происхождению слово, обозначающее род саранчи; в Септуагинте греч. ἀττάκης передает евр. פַּעַלָּה (Лев. 11:22).

¹⁹ Трохилос — птица из отряда ржанкообразных (*Pluvianus aegyptius*), известная в древности из-за своего симбиоза с крокодилом: выклевывает из его пасти пиявок по Геродоту (2.68), чистит ему зубы по Аристотелю (НА 9.6, 612a20–23).

28. Похвала вши²⁰

Но вошь, возможно, позавидует блохе за похвалу такую. Оба животных этих принадлежат к различным видам, но мы их можем воспринять как пару, одно как бы самцом изображая и как бы самкою — другое. Оба названия, однако, к общего рода именам принадлежат²¹. О первом уже сказано немало громких слов (мы показали, что блоха — плод равноденствия и солнечного роста слуга и спутник); ничуть не хуже, впрочем, будет похвала, которую мы сложим о втором. А чтобы речь у нас шла по порядку, к его происхождению присмотримся сперва.

(10) Мы показали и растолковали прежде, что порождается блоха другой блохою и не выходит за пределы такого способа продолжить род свой, и ей воздали похвалу за это. Вошь же рождается иным путем — он удивительней в сравнении с блошиным: у ней нет органа для производства плода, материального нет семени в запасе, и зарождение ее в каком-то смысле самопроизвольно.

Всё редкое нас удивляет больше обычного всего; если ж из редкого одно побольше, другое — меньше, нас то, что меньше, изумляет. Нет вещи удивительнее солнца и для людей полезней, и тем не менее, комету увидав, мы в большее приходим изумленье. Вот так и стриж нас восхищает больше, чем ласточка, и муравей крылатый — больше, чем слон. Так же (20) и необычный способ рождения существ нам удивительней в сравнении с обычным. От человека человек рождается: в природе это дело вполне обыкновенное и ум не поражает. А вошь из ничего рождается — без семенной основы, и это поразительней всего. Ведь полагают же естествоведы и говорят, что это невозможно — происхождение из ничего²², но вошь поправку вносит в указанное мнение: она ни от какого рода, зачатая никем, сама собою в мир восходит.

²⁰ Текст см. Littlewood 1985: 102–106; Boissonade 1838: 85–91. Старый русский перевод — Безобразов 1890: 148–151; Безобразов, Любарский 2001: 147–150.

²¹ В классическом языке φθεῖρ и ψύλλα — имена женского рода; позже φθεῖρ переходит в мужской род (а со временем и ψύλλα вытесняется именем мужского рода ψύλλος). Псевд по последовательно использует классические варианты.

²² Ср. Arist. *Metaph.* 11.6, 1062b14–25: «Что ничто не возникает из не-сущего (μὴ ὄντος), а всё из сущего — это общее мнение почти всех рассуждающих о природе» (пер. А.В. Кубицкого в переработке М.И. Иткина).

Поскольку сущее, как и не-сущее, философы по-разному толкуют, давайте уточним: не всякую материю для вши возникновения мы у нее отнимем, но что-то предоставим, а что-то отберем. Мы отбираем у нее рождение от (30) сущности своей, с такой же сопряженной, но допускаем для нее материю иного рода, откуда бытие свое она и получает. Ослы, сгнивая, скарабеев порождают, лошади — ос, быки же — пчел, а комары заводятся в испорченной воде; но вошь (вот уж прикинь!²³) — ту породить умеет живое существо прекрасней всех, притом не портясь, не сгнивая — одуванченное и полное огня: ибо рождается она из головы у человека. Часть пищи, каковую обмен веществ в наших телах меняет, отходит в селезенку, еще часть — в пузыри, другая к печени вратам восходит; но часть, которая в желудке согрета и изменена, — та растворяется в пары. И это испарение легко и невесомо, и поднимается, как к небу, к голове. (40) Но чтобы, накопившись там, оно не вызывало ни обморока, ни паралича, природа разделила череп, прорезав черепные швы, по костным стыкам ямочки пробила, через которые тот пар как бы сцежается и протекает и, в конце черепной сгустившись, вошь необыкновенно порождает.

Вот так рождается — и восприемлется она массой волос на голове, которые для ней — телохранители и повитухи разом: ее и охраняют от внешнего вреда, и члены ей выкладывают складно. Ведь даже человек, прекраснейшее существо земли, происхождение от семени берет, а семя изначально тленно и расползается в отливах и (50) приливах, и ненадежным делает зачатие его. Для зарождения же вши тлен семени не нужен, а пища, самая что ни на есть, которая легка и чиста. А что есть легче или чище, чем пар, как мы и говорили? Пары земли звезды падучие рождают и кометы²⁴; пары желудка нашего рождают вошь. И как в нас пар по отношению к земному пару, так же и вошь — к сиянию комет. И как эти явления в небесной сфере, вот так и в нашем круге головы — всё та же вошь, всё та же животина.

²³ Пселл обыгрывает связь φθείρ ‘вошь’ и φθείρο ‘губить/портить’, на которую указывали еще в древности (Gal. *De ther. ad Pis.* 18, 14.290 Kühn; EM 792.40).

²⁴ О звездах из земных испарений см. Arist. *Mete.* 1.4, 341b1–35; 1.7, 344a8–21.

Но поразительней всего, если задуматься, вот что: притом что в теле нашем частей так (60) много разных — даже не скажешь, сколько и каких, — вошь прочими как бы пренебрегает и только голову считает достойным органом, чтобы там зародиться. Оттуда переходит и на другие части, но снова возвращается туда, пройдя как бы с восхода до заката и вспять вернувшись к точке отправления. Как слышал я от мужа одного, отличного философа, скажу, не без причины голову окружной природы создала, но дабы ум в нее вселился — которому по нраву сферический вид тела, под стать круговращеньям мира, вот и бежит к ней как к себе домой, и водружаются там, в нашей голове²⁵. Оба находят, значит, голову желанной; ум, сверху веющий в нее, и вошь, вникающая снизу. Но ум внутри (70) и властен над животным, как бы с акрополя начальствуя над ним, а вошь — та разрастается снаружи.

Хотите, я открою вам совсем уж тайное воззрение на вошь? Вот только сумасбродом бестолковым меня не называйте, что рвусь о несерьезном всерьез я рассуждать и сочетать несовместимое стараюсь: влекусь туда, куда меня влечет душа, и вот как эти вещи понимаю. Ум признают философы двояким: один — внутри той сферы, куда Платон даже идеи встроил, другой же — по ту сторону всего, что с телом связано; а больше я сказать и не решаюсь, чтобы мне кто-нибудь в невежестве иск не вчинил, разве что только это: снаружи головы та животина устроена лучше ума внутри нее.

(80) Одна идея вошь не покрывает: одно животное белым-бело и шкурка у него лоснится, иссиня-черное другое, цветом под стать морской пучине. Кто обитает в области висков или в местах, где нет волос, те будто пеной покрыты — так серебрится зыбь на море. А те, кто ближе к северу (так скажем) на черепе живет, чернее и смелее прочих.

Итак, как сказано, все тело доступно ей и проходимо, но голова — ее жилище, как бы дворец для царственной особы. Затылок же и грудь, спина и руки и прочее до самых пят — все это для нее — равнины и холмы, и целый (90) мир для вши, подобный ойкумене. В погоду тихую она выходит, ворота растворив, нару-

²⁵ Ср. Pl. Ti. 44d3–6.

жу и дни погожие проводит в угодиях своих прекрасных; но если надвигается опасность, благоразумно возвращается она в свое старинное жилище и, как тиран заняв акрополь головы, рукам на стены лезть предоставляет, сама же запирается, как в башне, в твердыне головы. Животное неуязвимо здесь: как колос зерна защищает в укрытии от всех потрав, так же от беспорядочных ударов и волосы спасают вошь. Когда же на поверхность тела отлов выходит, она, как говорят про губки²⁶, совсем втирается под кожу головы и таким образом облавы избегает. Она крепко цепляется ногами, и на поверхности не видно ничего, за что бы можно было ухватиться; вот так, вполне сравнявшись с кожей, (100) тиран с пустыми оставляет ловцов руками.

Различные животные пытаются кто чем, что на земле взрастает; у вши же пища лучшая из всех: ведь всё, что человек вкушает, ей подается как бы вторым блюдом. Жаркое нам готовят повара, кондитеры — другие блюда; но сами мы ей заменяем и магиров, и стряпунов. Приготовляем яства ей, перерабатывая пищу — в со-ки, пары и кровь, дабы питание ее разнообразным было. Когда ей служим хорошо, она все яства потребляет — даже отложенные вроде на загладку; но если мы ей подаем халтурно сваренное блюдо, (110) она такую пищу отвергает, а с нами поступает как с рабами, наказывая нас: царапая нам голову ногами или кусая ртом.

Над прочими животными мы правим, но вошь начальствует над нами. Для глаз, которые всё видят, она одна незрима остается. Тело ее по виду хрупко, но почитается она, как если бы была из бестелесных. Кончается, когда мы умираем и столование ее тем самым прекращаем; и погребается в могиле головы, а значит, там же, где и зародилась, она кончает жизнь свою.

Не думайте, что всё это я написал, за славою гоняясь: ведь даже в (120) незначительных вещах свою искусство силу проявляет. Я же имел в виду не похвалу взаправду вши представить (еще я не сошел с ума), но показать вам силу слова, на что оно способно, чтобы, имея пред собою подобный образец, вы сами упражнялись бы, мне в подражание, над самыми дурацкими из тем.

²⁶ О цепкости губок ср. Arist. *HA* 1.1, 487b9–11; 5.16, 548b5–6 и 11–14.

29. Похвала клопам²⁷

Клопов поносят многие за запах неприятный, который источают их тела, не понимая, что зловоние такое для них примерно тоже, что для других животных — гребни, шипы, рога и бивни. Есть у животных средства от природы, чтобы ловцам не попадаться: какие-то она им прирастила, какие-то как примеси вживила. Ведь каракатицы не просто так чернила выделяют: и от охотников так могут улизнуть, и собственную выследить добычу. И если дурной запах ты обвинять настроен, придется, вероятно, и многое другое отвергнуть из того, что нам дает природа и что нам величайшую приносит пользу — как, например, дубровник и (10) зелие индийское²⁸, другие вытяжки и соки, какие при недугах в помощь, — и, словом заклеймив, их к вредным отнести вещам.

Блоха, попавши в западню, берет и скачет, так ускользая из ловушки и избегая рук ловцов; вошь в поры тела заползает и спрятаться рассчитывает там. Клопам природой не дана к прыжкам способность (они же и не так трусливы и к бегству в общем-то не склонны), тут кое-что другое: как гоплиты, прикрытие доспехом отовсюду и к центру строй сомкнув, неуязвимы для всех, кто хочет их атаковать, так же и это существо — уверено в доспехе, который получило от природы, и (20) не страшится рук своих врагов. Львам прирожденная отвага помогает, слонам — размеры тела, вепрям — их клыки, какому-то животному другому (если оно действительно бывает) — способность испускать огонь из ноздрей²⁹. Клопы же свою силу не из какой-то части тела получают: философы, дотошнее других, о фантазийном духе рассуждая, считают, что всем сразу и целостно воспринимает он — и зрением,

²⁷ Текст см. Littlewood 1985: 107–110; Boissonade 1838: 91–95.

²⁸ О целебных свойствах дубровника (πόλιον = *Teucrium polium*) см. Dsc. 3.110; τὸ ἔξ Ινδίας φάρμακον — какой-то вид перца, ср. Нр. *Mul.* 2.205: τὸ ἴνδικὸν, ὃ καλέουσιν οἱ Πέρσαι πέπερι («индийское снадобье персы называют перцем»).

²⁹ На роль такого огнедышащего зверя подходят и еще гомеровская Химера (*Il.* 6.182), и катоблеп (κατόβλεψ), известный с эллинистических времен и упоминаемый византийскими писателями XII века Евстафием Солунским (*Ep.* 28.20 Kolovou) и Константином Манассией (*Arist. et Call.* 31.7 Mazal).

и слухом, и остальными чувствами, конечно³⁰; так и животному, о ком мы говорим, естественная сила сразу из всех частей приходит тела. Иных животных просто изловить, если подкрасться с тыла, поскольку вся их сила — в передних их частях; а к этому со всякой стороны приблизиться отвратно, и (30) нападающих со всех сторон удерживает дух зловонный.

Но нам не следует судить о том, что мы воспринимаем, по собственным пристрастиям, скажу, и если что-то таково для нас, это не значит, что природа именно так всё и предполагала. Много такого, что для нас — вот так, другим животным — как-либо иначе: губителен болиголов для нас, для наших тел — но не для перепеплок, и даже Аристотель, философ, о старухе какой-то говорит, которая наелась белены — и ничего не стало с ней³¹; но холодит доза ее настолько, что проглотивший сразу кочнеет³². Как мы цвета опознаем иначе, чем так, как по природе есть, и с выделениями то же: нам что-то кажется (40) одно, но с точки зрения природы это совсем не так, другое; клопов зловоние для них — животворение, а мы — мы нос воротим сразу, зажимаем. И как снаряды катапульт — их нужно осажденным избегать, а осаждающим они весьма полезны, — так же клопинный дух: нас отвращает, а им он помогает не попасться. Вот что мы можем возразить тем, кто животное, о ком мы говорим, поносит и над ним глумится.

А ведь чудеснейшая эта животина на свет рождается не по сезонам (не так, чтобы в один являться и снова пропадать в другой):

³⁰ Отсылка к стоическим идеям чувственного восприятия и «ведущего начала» души (τὸ τύχεμονικόν, зд.: τὸ φανταστικός πνεύμα), ср. SVF 2.826 (Iambl. apud Stob. 1.368.12 sqq. Wachsmuth). Фантазии, или воображению, отводилась огромая роль в эпистемологии и психологии как античной, так и ренессансной, но историки философии склонны избегать самого термина из-за семантического сдвига, который он испытал в новейшее время («пустые фантазии»).

³¹ Об иммунитете (и даже аппетите) перепелок к болиголову (цикуте, κώνειον) пишет Секст Эмпирик (P. 1.57); он же рассказывает о старухе из Аттики (P. 1.81), которую не брала никакая цикута; «Аристотель» же (Nic. Dam. *Plant.* 820b5–6) говорит только о разном воздействии белены и чемерицы (ό δοσκύαμος καὶ ὁ ἐλλέβορος) на человека и перепелку.

³² Ср. Pl. *Phd.* 118a2 sq. о последних минутах Сократа, принявшего цикуту.

сродни она по жизни (50) человеку и может появляться на свет в любой момент. Весеннею порой она взрастает, расцвета достигает летом, бестрепетно встречает зиму, и не сломить ее осенним бурям. К ней близко приступить не так-то просто — в открытую являть она не склонна физиономию свою: подобно царственным особам, скрывающим свой лик от глаз толпы, так же и этот род ты просто по щелчку узреть не сможешь. Если она когда и выбирается на люди, то движется бесшумно, тем самым тихий свой и мирный характер проявляя.

Хотя тела ей наши пищей служат, на бездыханные она не нападает, но приступает к нам, пока еще живые, и человек — ее диета. Словно трохил, который с крокодилом дружит, отлично ладит, (60) спит с ним вместе и кормится остатками его еды, так же и эта животина сожительствует с нами полюбовно и, плотно к телу нашему прильнув, рада любой еде, какую перехватит³³. И в виде благодарности за стол и дом, насытившись, не покидает нас, но остается рядом, сон наш охраняет, словно привратник и телохранитель, кому мы жизнь свою вверяем. Проводит жизнь свою в постели всегда в одном и том же месте, всегда под боком — локотком — у главного наперсника, за столование расплачиваясь честно.

Это животное ты и за внешность не кори: оно напоминает почти что идеальный круг или еще, если угодно, фигуру, равную в длину (70) и ширину — где что, на глаз не разберешь. Ступает плавно, величаво, точно философа походке подражая; и не слоняется туда-сюда, и не выхаживает шумно при своих выходах на люди; и если даже сзади кто-то догоняет или же спереди его подстерегает, стержня природного нисколько не теряет, ни равновесия внутри, и не сбивается с пути прямого. Вот слон: такой огромный зверь, а пред наездником трепещет, колена преклоняет по приказу, а если тычут ему в лоб копьем, в смятение приходит и даже поворачивает вспять; этот же род животного свободен в высшей мере — и не боится ничего. Случись тебе клопа схватить обе-

³³ О трохиле см. прим. 19 выше. Только постельные клопы (семейство Cimicidae — одно из множества) являются кровососущими паразитами.

ими руками, ты чувствуешь какое-то кипенье и тотчас в страхе отпускаешь, будто обжегшись раскаленною железкой. Поэтому (80) живет он долго, и старость никаких примет на нем не оставляет, а равновесие всех членов тела природу его молодостью дарит. Людей, когда они стареют — это особенно на тех заметно, кто изначально статен и хорош собой, — повсюду складки и морщины покрывают, у них сгибаются хребет, кожа лица теряет свежесть, блекнет. Это животное, напротив, всю жизнь свою одного цвета, и никакой из его членов в разлад с другими не вступает. Когда же в землю, наконец, уходит, оно такое же, каким земля на свет его произвела. Омоложается в течение всей жизни? Нет, просто при смерти оно ровно в таком же виде, каков был при рождении его.

Слово мое, сложившееся так — и похвалой, и вместе эпитафией клопу, — на этом малозначимом предмете вдругорядь раскрывать должно искусство и (90) силу оснований наших.

Литература

LBG = *Lexikon zur Byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts.*

Erstellt von Erich Trapp; unter Mitarbeit von Wolfram Hörandner, Johannes Diethart, Astrid Steiner-Weber, Elisabeth Schiffer, Maria Cassiotou-Panayotopoulos, Sonja Schönauer; sowie von Manfred Hammer, José Declerck, Martin Hinterberger, Georgios Fatouros, Robert Volk, Michael Chronz, Antonia Giannouli, Andreas Rhoby et al. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001–2017.

Безобразов, П.В. (1890), *Византійский писатель и государственный деятель Михаїлъ Пселлъ*. Часть 1: *Біографія Михаїла Пселла*. М.: Університетська типографія.

Безобразов, П.В.; Любарский, Я.Н. (2001), *П.В. Безобразов. Византійский писатель и государственный деятель Михаїл Пселл. Я.Н. Любарский. Михаїл Пселл: личность и творчество*. СПб.: «Алетейя».

Bezobrazov, P.V. (1890), *A Byzantine Writer and Statesman Michael Psellus. Part 1: Michael Psellus' Biography*. Moscow: at the University Typography. (In Russian.)

Billerbeck, M.; Zubler, C. (2000), *Das Lob der Fliege von Lukian bis L.B. Alberti: Gattungsgeschichte, Texte, Übersetzungen und Kommentar*. Bern: Peter Lang.

Boissonade, J.F., ed. (1838), *Michael Psellus. De operatione daemonum. Accedit inedita opuscula*. Norimbergae: apud Fr. Nap. Campe.

Littlewood, A.R., ed. (1985), *Michaelis Pselli Oratoria minora*. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft.